

15 писемъ адмирала Александра Ивановича Панфилова.

*Речь, сказанная на обѣдѣ въ день 50-ти лѣтняго юбилея адмирала
Александра Ивановича Панфилова.*

Сегодня исполнилось 50 лѣтъ вашей доблестной службы, душевно уважаемый Александръ Ивановичъ, и вотъ сослуживцы, боевые сотоварищи славной обороны Севастополя, а равно и почитатели Ваши, собрались здѣсь, чтобы выразить Вамъ чувства глубокаго уваженія, и мы всѣ вмѣстѣ привѣтствуемъ Васъ съ этимъ торжественнымъ днемъ.

Жизнь пережить—не поле перейти, говоритъ пословица, а 50 лѣтъ службы составляютъ всегда самую главную и наиболѣе дѣятельную часть человѣческой жизни, и мнѣ хочется въ нѣсколькихъ словахъ напомнить Вамъ и присутствующимъ, какъ проходили Вы это бурное жизненное поле. Прослуживъ 4 года въ Балтійскомъ морѣ, Вы отправляетесь на 3 года въ Средиземное, гдѣ вскорѣ поступаете на корветъ „Наваринъ“, подъ команду капитанъ-лейтенанта П. С. Нахимова, и съ этой минуты судьба какъ бы дѣлаетъ Васъ почти неразлучнымъ до конца дней жизни героя Синопа и Севастополя. Такъ Нахимовъ получаетъ фрегатъ „Палладу“, а Вы—его старшій офицеръ, Нахимовъ переводится въ Черноморскій флотъ командиромъ корабля „Силлистрія“, Вы старшій офицеръ „Силлистріи“ и одновременно съ нимъ, даже на одной перекладной, летите служить въ Черноморскій флотъ, которымъ только что вступилъ въ командованіе вице-адмиралъ М. П. Лазаревъ. Не приходило, конечно, на мысль встрѣчавшимъ Васъ въ этой телѣгѣ, что въ ней сидятъ будущій герой Синопа и тотъ адмиралъ, которому будетъ поручено выводить изъ Синопской бухты поврежденные въ бою корабли, съ которыми онъ даже прежде побѣдоносной эскадры взойдетъ въ ликующій Севастополь.

Разставшись на время съ П. С., Вы, еще въ лейтенантскомъ чинѣ, дѣлаетесь командиромъ тендера „Лучъ“ и послѣ двухлѣтняго плаванія въ Архипелагѣ, вступаете въ боевую службу на Кавказскую береговую линію въ званіе дежурнаго штабъ-офицера при начальникахъ ея: генералахъ—Раевскомъ, Анрепѣ, Будбергѣ. Въ теченіе 10-ти лѣтъ неутомимой бурно-боевой службы вдоль этого негостепріимнаго берега Чернаго моря, гдѣ не разъ во время жестокихъ штормовъ выбрасывало суда и эскадры, Вы непосредственно участвуете во всѣхъ боевыхъ дѣлахъ и занятіяхъ мѣстъ,

лично распоряжаясь десантными амбаркаціями для укрѣпленій возникавшей Черноморской береговой линіи: Кабардинскаго, Вильяминовскаго, Тенгинскаго, Головинскаго, Лазаревскаго, Раевскаго, Святаго Духа, Навагинскаго и Новороссійска.

Разставаясь съ Кавказомъ въ чинѣ капитана 1 ранга, Вы принимаете въ командованіе корабль „12 Апостоловъ“ отъ капитана В. А. Корнилова, на которомъ впослѣдствіи передъ началомъ войны, имѣя контръ-адмиральскій флагъ, Вы перевозите въ эскадрѣ Нахимова 16.000 сухопутныхъ войскъ въ Анакрію, далѣе уже во время начавшейся войны съ эскадрою изъ париходовъ посылаетесь вдоль линіи Кавказскихъ укрѣпленій для поддержанія бодрости гарнизоновъ и, наконецъ, въ мартѣ 1854 года, т. е. послѣ разрыва съ Западными державами, на Васъ возлагается важное порученіе снять всѣ гарнизоны Черноморской береговой линіи, и сжечь и уничтожить ея укрѣпленія, тѣ самыя укрѣпленія, въ занятіи и построеніи которыхъ Вы принимали такое дѣятельное участіе. Это трудное порученіе Вы исполнили съ блистательнымъ успѣхомъ, въ виду англійскихъ и французскихъ крейсеровъ.

Вскорѣ начинается знаменитая, славная оборона Севастополя. Было бы излишне въ этой залкѣ сказать, какимъ отдѣленіемъ оборонительной линіи Вы командуете; кто этого не знаетъ, не только изъ сотоварищей обороны, но и всѣхъ русскихъ, кому дорога и близка слава русскаго оружія; кто не знаетъ, что Вы 9 мѣсяцевъ съ утра до ночи и съ ночи до утра, безустанно укрѣпляете разрушаемое непріателемъ и разрушаете непріятельскія атаки. Вашъ историческій Большой редантъ (какъ называлъ его непріятель) до самаго конца, до послѣдней минуты, стоялъ какъ могучій богатырь, и отъ него какъ отъ скалы отскакивали всѣ натиски враговъ. Въ день смерти Нахимова Вы занимаете его постъ, помощника начальника гарнизона Севастополя, который по отступленіи войскъ 27-го августа оставляетъ послѣднимъ, уже послѣ разведенія моста, переправляясь на гичкѣ подъ ядрами на Сѣверную сторону, гдѣ остаетесь въ званіи командира Севастопольскаго порта, до перехода морскихъ командъ въ Николаевъ, котораго оборона Вамъ тотчасъ же поручается. По окончаніи войны Вы остаетесь завѣдующимъ морскою частью въ Николаевѣ, и послѣ кратковременнаго пребыванія главнымъ командиромъ Свеаборгскаго порта, поступаете въ Адмиралтействъ-Совѣтъ.

Вотъ, господа, то служебное боевое поле, которое проходилъ съ такимъ достоинствомъ и славою нашъ почтенный юбиляръ, оставляя по себѣ всюду глубокое уваженіе къ своимъ заслугамъ, мужеству, энергіи и признательность къ благородству своихъ мыслей и дѣйствій, прямодушію и безукоризненности своихъ поступковъ. Черноморскій флотъ и сослуживцы по справедливости могутъ гордиться, произнося имя А. И. Панфилова...

Жизнь есть долгъ, жизнь есть подвигъ, и вотъ предъ этимъ подвигомъ, совершеннымъ съ такимъ достоинствомъ, и преклоняются и старые и молодые. Такіе люди, какъ Вы, живутъ не только для современниковъ, но и для потомства, которое, воздавая справедливую оцѣнку, указываетъ юному поколѣнію, какъ надо служить отечеству, какъ на достойный примѣръ для подражанія, какъ на дорогую, народную гордость...

Да здравствуетъ многія и многія лѣта А. И. Панфиловъ.

Аврамій Асланбековъ.

20 апрѣля 1874 г.

(Письма адмирала Александра Ивановича Панфилова, начальника 3-го бастиона, во время севастопольской обороны, адресованныя въ Николаевъ, къ его женѣ, Л. М. Панфиловой).

1.

8 часовъ утра, 14 окт.

Сію минуту получено отъ Моллера, объявлять по войскамъ, что генераль Липранди вчерашняго числа взялъ четыре редута, 11 пушекъ, 60 кавалеристовъ съ офицерами; поле сраженія все усѣяно непріятельскими тѣлами, и Липранди укрѣпляется въ деревнѣ Кадыховкѣ. Помогн, Господи, Липранди. Сегодня гораздо менѣе пальба—не такъ часто. Сегодня 10-й день пальбы. Поцѣлуй дорогихъ моихъ Лизу и Соню. Благословляю всѣхъ васъ, дорогихъ моихъ.

А. Панфиловъ.

2.

Бастионъ № 3.

Суббота 1 января 1855 г., 7¹/₂ часовъ вечера.

Поздравляю дорогую мою Любиньку съ новымъ годомъ, желаю тебѣ и дѣтямъ здоровья и скорого возвращенія въ Севастополь. Помогн, Господи, окончить и выгнать поскорѣе непріятеля. Благодаря Бога, я началъ сегодня утромъ дѣлать вылазку. Угодилъ Сакену и князю Меншикову, взялъ въ плѣнъ 14 англичанъ и четырехъ французовъ, отправилъ въ 8 часовъ утра къ Сакену и приказалъ имъ поздравить его съ новымъ годомъ. Вотъ какъ я началъ новый годъ: въ полночь всталъ, вышелъ изъ бастиона и послалъ 500 охотниковъ къ англичанамъ и къ французамъ 200 и 400 человекъ далъ имъ подкрѣпленія. Наши взяли 18 плѣнныхъ, много перекололи, въ особенности французовъ, которые защищались. Потеря наша: 2 убитыхъ рядовыхъ, 5 тяжело раненыхъ и 11 легко раненыхъ, которые остались во фронтѣ и не пошли въ госпиталь. Осмотрѣлъ раненыхъ плѣнныхъ, возвратился къ 2¹/₂ часамъ домой, легъ заснуть, въ 6 часовъ всталъ, умылся. Пришелъ священникъ къ намъ на квартиру, отслужилъ молебенъ. Напился чаю, составилъ донесеніе о вылазкѣ. Явились музыканты съ поздравленіемъ; въ 8 часовъ отправилъ плѣнныхъ къ Сакену, а въ 9 часовъ поѣхалъ къ обѣднѣ въ Михайловскую церковь, гдѣ все начальство собирается благодарить Бога за успѣшную, благополучную вылазку. Изъ церкви зашелъ поздравить Сакена, сдѣлалъ нѣсколько около этой церкви визитовъ. Въ часъ возвратился на бастионъ, гдѣ у меня собрались обѣдать: братъ, Ив. Ив. Винкъ, Косинскій, Антиповъ, Нико-

новъ, Бирюлевъ, саперный полковникъ Макаровъ. Всего насъ обѣдало 9 человекъ. За новый годъ выпили бутылку портвейна; варили кофе со сливками, приготовленный въ плиткахъ, и просидѣли до 3-хъ часовъ. Легъ отдохнуть и получилъ твое письмо отъ 24-го декабря. Что дѣлать, родная моя! Грустно встрѣчать новый годъ не вмѣстѣ. Но помоги, Боже, выгнать непріятеля! Тогда все вознаградится, и непріятелю плохо придется. Сегодня это пятая вылазка у меня, и мы уже знаемъ, гдѣ какой полкъ непріятельскій стоитъ лагеремъ, по взятымъ въ плѣнъ, и спрашиваемъ у плѣнныхъ англичанъ, отчего нѣтъ 50-го полка плѣнныхъ? Они отвѣчаютъ, что 50-й полкъ — русскій, что его у нихъ на дистанціи перекололи и большую часть взяли въ плѣнъ, такъ что 50-й полкъ почти не существуетъ. Да, всѣ плѣнные спрашиваютъ про меня: „Что это, Меншиковъ?“ и увѣряютъ, что я очень похожъ на портретъ, который они видѣли: я бы не желалъ походить дѣянїями на князя, даже и фізіономїей, а потому не къ тому я пишу. Но рѣшительно, а въ особенности французы, спрашиваютъ и говорятъ, что я похожъ на его портретъ.

Письма твои всѣ получилъ, и послѣднія, отъ 18 и 22 декабря, на которыя всѣ отвѣчалъ и много писалъ. Насчетъ просьбы Станюковича посылки курьеровъ или офицеровъ нечего терять словъ. Эта шаромыга только думаетъ, какъ бы стянуть что-нибудь, и больше не о чемъ и знать не хочетъ. О квартирныхъ — какъ хочешь, требуй или нѣтъ, какъ тебѣ угодно; о жалованьи нечего и думать, чтобы стали выдавать за годъ, черезчуръ расходное такое содержаніе, да и неоткуда столько денегъ взять. Письма по обыкновенной почтѣ не пишу, потому что много было случаевъ посылать письма и по курьерской. Аккуратно посылаю, которые должны раньше и скорѣе обыкновенной почты. Благодарю, родная моя, за елку дѣтямъ; утѣшила. Я думаю, выросли и очень перемѣнились? Какъ ростъ Сони? Я думаю, скоро сравняется съ Лизой.

2 января, 7 часовъ утра. Сію минуту дали знать, что чиновникъ Петровъ ѣдетъ сегодня, а потому тороплюсь. Поздравь Елизавету Марковну. Сегодня не видалъ еще Федора Михайловича (адмирала Новосильскаго). Молись Богу о скорѣйшемъ избавленіи отъ непріятеля, который теперь въ худшемъ положеніи и есть надежда уничтожить ихъ, а въ особенности, если Богъ пошлетъ мороза хорошенько—какъ мухи, замерзнуть. Скучно и грустно такіе праздники проводить, но благодарю Бога, что здоровъ и могу исправно заниматься своимъ отдѣленіемъ. Сакенъ Нахимову меня очень хвалилъ и говорилъ, что скромный адмиралъ, а дѣла успѣшнѣе и счастливѣе идутъ, чѣмъ у меня: 5-я вылазка была и, благодарю

Бога, все удалось и мало потери съ нашей стороны. До свиданія, моя дорогая! Поцѣлуй дѣтей и благослови.

А. Панфиловъ.

3.

Пятница, 11 марта, 9 час. утра. 3-й бастионъ.

Вчера, поздно, дали знать, родная моя Любимька, что сегодня ѣдетъ курьеръ. А у насъ противъ Малахова Кургана была большая перестрѣлка, и я помогаль изъ орудій, а потомъ, въ 2 часа ночи, со своего отдѣленія дѣлалъ вылазку изъ 500 человекъ. Взяли въ плѣнъ и привели ко мнѣ: командира 34-го англійскаго полка, инженеръ-капитана, сержанта, рядовыхъ англичанъ 12, 2 француза; заклепали три большія мортиры, много ружей, инструмента инженернаго до 500 штукъ и много перекололи англичанъ и французовъ въ траншеѣ, а армейскіе наши противъ новаго редута многихъ перекололи. Отъ меня видно—до 400 тѣлъ лежатъ между нашимъ редутомъ и ихъ траншеями. Траншеи французскія, ближайшія къ редуту, срыты. Да, эту ночь задали треску французамъ и англичанамъ! Вчера вечеромъ спрашивали у плѣнныхъ, когда они собираются на штурмъ. Всѣ въ одинъ голосъ отвѣчали, что нельзя и думать штурмовать послѣ всѣхъ тѣхъ попытокъ противъ невооруженныхъ редутовъ. Полковника плѣннаго я напоилъ чаемъ и отправилъ въ госпиталь: онъ раненъ въ ладонь насквозь штыкомъ и въ голову прикладомъ. Вчера вечеромъ онъ получилъ отъ жены письмо, и у него взяли солдаты. Я велѣлъ объявить: 1 руб. тому, кто принесетъ письмо. Книжечку записную его принесли, а письма еще нѣтъ. Инженерный капитанъ сказалъ, что послѣ смерти нашего Государя всѣ газеты стали писать мирнѣе и что надѣются на миръ и очень желаютъ и тоже что Пальмерстонъ сталъ гораздо миролюбивѣе и что Рассель поѣхалъ въ Вѣну на переговоры. Этотъ инженеръ, проходя мимо нашихъ батарей, удивлялся прочности постройки и нашимъ блиндированнымъ хатамъ. Пошли, Господи, заключить миръ. Тяжело видѣть избіеніе людей въ такомъ множествѣ и такъ жестоко. Теперь видно раненые французы сидятъ, и взять нельзя и помощь дать раненымъ. Господи, сжался надъ невинными жертвами эгоизма лорда Пальмерстона и прочихъ негодяевъ. Посылаю тебѣ забытый въ прошломъ письмѣ приказъ Горчакова и сегодняшнюю записку Сакена за вылазку. Пишу тебѣ въ разбивку и не даютъ писать — мѣшаютъ, а нужно форменное донесеніе писать. Сію минуту былъ Нахимовъ, поздравлялъ и благодарилъ; отъ

Сакена получилъ записку съ адъютантомъ. Благослови Лизу и Соню.
Остаюсь благословляющій васъ всѣхъ отецъ

А. Панфиловъ.

4.

26 мая, 6 часовъ утра. Бастіонъ 3-й.

Родная моя Любинька! Вотъ и третья бомбардировка началась вчерашній день, въ три часа по полудни. Начали пальбу съ лѣваго фланга отъ Инкермана по редутамъ: селенгинскому, волинскому, камчатскому, по 3-му бастіону, съ прилежащими къ нему батареями, и по 4-му бастіону, 5, 6, 7 и 8 и прочимъ; къ морю не открывали огня. Всю ночь палили ядрами и большія бомбы бросали ночью; въ сравненіи съ брошенными бомбами, потери не такъ велики, но много портятъ бастіонъ и брустверь разрывчатыми бомбами. Съ четырехъ часовъ усилили пальбу ядрами и не прекращали ночью. Много бомбъ въ городъ попадало, но пожаровъ не было. Сію минуту дали знать, что въ столовой стѣнѣкѣ вышибло и 10 стульевъ разбило. Болѣе вреда не сдѣлано. Поклонись Ѳедору Михайловичу (Новосильскому) и Елизаветѣ Марковнѣ. Желая имъ всѣхъ благъ отъ Бога. Поцѣлуй и благослови Лизу и Соню. Остаюсь благословляющій отецъ вашъ

А. Панфиловъ.

Р. С. Былъ я дома. Какая чудесная наша терраса! Акаціи сходятся вѣтвями. Тѣнь чудесная. Горчаковъ, говорятъ, на Маккизиевской (?) дачѣ. Не было ли тамъ дѣла, что неожиданно и съ той стороны начали пальбу? По слухамъ, что къ намъ много войска идетъ? У васъ должно быть извѣстно изъ англійскихъ газетъ и въ обоихъ парламентахъ, говорятъ, предложенъ Россіи почетный и просятъ подать адресъ королевѣ, чтобы заключить миръ! Одна надежда на Господа Бога и миръ. Сохрани и помилуй. За что? Изъ-за желанія одного Наполеона столько жертвъ и несчастныхъ семействъ—женъ, дѣтей, отцовъ, матерей! Господи, буди воля Твоя! Говорятъ, Баумгартенъ нѣсколько дней сказывается больнымъ, и теперь тамъ главнымъ Микрюковъ. Но теперь 4-й бастіонъ гораздо легче. Такъ никогда не было при Ѳедорѣ Михайловичѣ; и вотъ въ эту сторону туда не такъ сильно палятъ; больше — на Николаевскую батарею и 3-й бастіонъ и по всѣмъ этимъ батареямъ. До свиданія, родная, дорогая моя! Сохрани васъ Госнодь для меня и меня для васъ. Благословляющій васъ вашъ отецъ

А. Панфиловъ

5-е.

Вторникъ, 31 мая, 3 часа дня. 3-й бастионъ.

Дорогая моя Любимька! Письмо твое получилъ отъ 27 мая вчера утромъ, гдѣ ты пишешь, что наши поѣхали въ Одессу, дай Богъ съѣздить благополучно и съ пользой. На счетъ Миши, я еще Нахимова не видалъ, да и нельзя думать объ отправленіи, офицеровъ очень мало осталось, не знаемъ, кого назначить на убитыя мѣста. Да, родная моя, вотъ и 3-я бомбардировка седьмой день! На вчера и сегодня пушечной пальбы нѣтъ и только постоянно на 3-й бастионъ бросаютъ бомбы и, благодаря Бога, потери еще не такъ велики, а меня хранитъ цѣлымъ и невредимымъ. 26 числа меня обдало камнями и сдѣлало нѣсколько язвъ на лицѣ, но я ни на одну минуту не оставлялъ мѣста, даже умылся часа черезъ три, и теперь совершенно все прошло; я пишу тебѣ это потому, чтобы до тебя не дошло, что я раненъ.

Вчерашнее письмо не скоро получишь, но надо повторить, что я писалъ 26 мая, въ 6 часовъ вечера. Непрiятельскія войска бросились разомъ на три редута: Селенгинскій, Волинскій, Камчатскій и скоро заняли, подошли къ Малахову кургану, но тутъ ихъ встрѣтили подбѣжавшія наши войска и славно отдѣлали, выгнали изъ Камчатскаго редута. Хрулевъ пошелъ защищать Селенгинскій и Волинскій редуты, какъ непрiятель опять напалъ на Камчатскій и выбилъ нашихъ. Хрулевъ воротился, опять пошелъ на Камчатскій редутъ, но выгнать уже не могъ, у непрiятеля слишкомъ было много войска подведено и подготовлено, а у Хрулева не было достаточно, а потому всѣ три редута остались за непрiателемъ. Въ то же время англійская колонна двинулась на уголъ 3-го бастиона, но мы ихъ отбили, а они захватили нашъ ложементъ, у меня пошли, выбили ихъ, но опять оказалось у непрiятеля войска гораздо больше, они были приготовлены, а мы отдѣлались тѣмъ, что есть у насъ на дистанціи; въ это время много у насъ палили и непрiятельской бомбой разсыпанъ брустверъ и камнями, и землей подарпало мнѣ лицо и ударило въ правую сторону груди, но такъ, что я ни на одну минуту не оставилъ мѣсто и часа черезъ три потомъ умылся и посмотрѣлъ на себя въ зеркало и теперь все почти прошло, я совершенно здоровъ, но такъ изнурился, постоянно всѣ ночи, вотъ уже 6-я прошла, бываемъ всѣ на брустверѣ, чтобы быть готовыми въ случаѣ нападенія; и днемъ не уходимъ съ бастиона.

Нахимовъ только-что вышелъ изъ Камчатскаго редута и не дошелъ еще до Малахова кургана и чуть не попалъ въ плѣнъ, его

матросы подхватили подъ руки и дотащили до Малахова кургана; такъ это было быстро занятіе Камчатскаго редута и это чрезвычайно окуражило французовъ. Наши взяли челоуѣкъ 400 въ плѣнъ, да что намъ въ ихъ взятъи, всѣ были мертвецки пьяны и попались болѣе во рву Малахова кургана; штабъ-офицеръ и оберъ-офицеръ едва тоже на ногахъ стояли. Объ нашихъ вылазкахъ никто не думаетъ. Горчаковъ живетъ на Макіезевской дачѣ, прѣзжаетъ въ Севастополь и ничего не предпринимаетъ! Говорятъ, что 2-го іюня долженъ придти первый эшалонъ, 4-го второй, а 8-го третій — послѣднія войска. Вотъ какіе у насъ слухи, это Хрулевъ говоритъ. Поклонись Е. М. и Ѳ. Мих. и благослови Лизу и Соню, сохрани васъ Богъ, и меня для васъ. Молись Богу и полагайтесь на Его милость, вотъ мы всѣ на что въ Севастополѣ надѣмся. Остаюсь благословляющій вашъ отецъ

А. Панфиловъ.

· 6-е.

Суббота, 4-го іюня. 11 час. утра. 3-й бастионъ.

Родная моя Любинька, сію минуту получилъ твое письмо отъ 1-го іюня, что за слухи тебя встревожили? Благодаря Бога, я цѣлъ и невредимъ, всѣ ночи проводимъ на бастионѣ, а днемъ мало пальбы; вчера переметчикъ далъ знать, что на Малаховый курганъ эту ночь хотѣли дѣлать нападеніе, всѣ примѣты были—сборъ войскъ, подносъ туровъ, фашинъ въ ближайшія мѣста. Мы всѣ были наготовѣ, даже не работали, и всѣ стояли съ ружьями; въ 12 часовъ на Малаховомъ курганѣ сдѣлалась тревога, но оказалась фальшивою, а, можетъ быть, была проба, исправно ли у насъ; смотреть—10^{1/2} часовъ. Сію минуту получилъ твое письмо отъ 30-го мая съ Евдокимовымъ. Да, родная моя, грустно и тяжело! Но что дѣлать, испытаніе Божье: роптать не слѣдуетъ и свято покоряться Его волѣ, помощи, Господи, отстоять Севастополь! Онъ творитъ чудеса, на Него вся надежда и упованіе. Я писалъ тебѣ съ каждымъ случаемъ, а курьеровъ не всегда вижу, когда они уѣзжаютъ, а потому не пугайся, ежели не получишь письма, теперь время смутное, некогда и думать о другихъ, да и экстренно отправлять: на счетъ Миши не думаю, чтобы его отправилъ Нахимовъ, который хотѣлъ сегодня у меня быть, но боленъ, разстроенъ и сильное біеніе сердца. Я, благодаря Бога, совершенно здоровъ. Радость моя, молись Господу, надѣйся и уповай, но не ропщи, это первый грѣхъ. Это Его испытаніе, я прошу только силъ и крѣпости, чтобы защищать Севастополь. Это письмо я пишу и посылаю въ городъ, откуда

перешлютъ. До свиданія, кланяйся Е. М. и Ѳ. Мих.! Поцѣлуй и благослови Лизу и Соню.

А. Панфиловъ.

Чѣмъ же Екатерина тебя напугала? Что она слышала? Зачѣмъ прямо не говоришь, можетъ, найдутся добрые люди и напугаютъ нарочно?

7.

Вторникъ, 7-го іюня, 8 час. утра.

Дорогая моя Любинька! Благодареніе Всевышнему! Вчерашній день, 6-го іюня, въ три часа утра былъ штурмъ на 1-й и 2-й бастионъ на Малаховомъ курганѣ и 3-е отдѣленіе, т. е. 3-емъ бастионѣ. Но Господь Богъ помогъ, и мы ихъ славно отбили; осталось передъ бастиономъ много убитыхъ, раненыхъ, взяли много въ плѣнъ людей и лѣстницы, которыя уже были во рву, три раза они бросались, и это продолжалось около $\frac{3}{4}$ часа. Какъ наши солдаты отлично дѣйствовали и одушевились въ этотъ день. Былъ свѣтлый праздникъ—французамъ удалось занять только батарею Жерве, т. е. первый флангъ Малахова кургана, но молодецъ Хрулевъ тотчасъ выбилъ, и тутъ они много потеряли. Эту полночь была опять попытка, но мы не отдали, и они отступили; помоги, Господи, отстоять Севастополь, и сохрани всѣхъ! Послѣ штурма насъ спрыснулъ небольшой дождь, какъ будто Божье окропленіе, но очень маленькій. Послѣ штурма опять много палили по нашимъ батареямъ часовъ до 8 утра, а потомъ у насъ стихло, и большая пальба была на 1-е и 2-е отдѣленія. Ночь эту много пальбы и бомбъ, кромѣ того времени, какъ ихъ опять отбили, очень усилили огонь, а съ двухъ часовъ ночи меньше, а теперь ни одного выстрѣла не слышать.

4-ю бомбардировку начали 5-го іюня, въ 3 часа утра, и до штурма, т. е. ровно сутки не умолкали и страшно били день и ночь, били и не прерывали пальбы! Плѣнный у меня французъ, пожилой, и серьезный капитанъ, говоритъ, что онъ никакъ не ожидалъ, чтобы послѣ такой страшной пальбы мы успѣли исправить орудія и столько людей имѣли на батарее. Благодарю Господа! не имѣю возможности молебень отслужить, а ты отслужи всѣмъ святымъ. Поклонись Ѳ. Мих. и Е. М., поцѣлуй и благослови Лизу и Соню, береги ихъ и себя, благословляющій васъ отецъ

А. Панфиловъ.

Р. S. Мнѣ прислали къ самому штурму дивизионнаго начальника 9-й дивизіи г.-м. Лисенко, кажется, старый служака, я очень

доволенъ его назначеніемъ, хотя онъ прибѣжалъ ночью, уже дѣло начато было, и теперь я совершенно покоенъ и сегодня, съ 4-хъ часовъ утра до сихъ поръ спалъ чудесно, что мнѣ было очень необходимо.

8.

Среда, 8-го іюня, 3^{1/2} час. пополудни, бастіонъ № 3-й.

Благодари Господа, дорогая Любинька, до сихъ поръ Господь хранить цѣлымъ и невредимымъ. Вотъ, родная, 6-го числа, въ 3 ч. утра непріятель предпринялъ штурмъ на лѣвую сторону Севастополя, т. е. на 1-й и 2-й бастіонъ, на Малаховъ курганъ и на всѣ три отдѣленія и на пересыпку. Мы были совершенно готовы, и по первому появленію открыли ружейный и пушечный огонь, непріятель три раза на всѣ пункты бросался и вездѣ былъ отбитъ. Много тѣлъ ихъ осталось на мѣстѣ. Вчерашній день начали убирать, въ 3 часа по полудни не могли убрать, сегодня убираютъ, и у насъ тишина, нѣтъ пальбы. Сегодня утромъ вошелъ ко мнѣ въ отдѣленіе ирландецъ, солдатъ англійскаго войска, говоритъ, что очень тяжело у нихъ, мало палатъ, потому что снарядовъ мало, и что хотятъ еще попробовать штурмовать, а если не удастся, то идти къ Перекопу, отрѣзать путь сообщенія. Вчера, при уборкѣ тѣлъ, англичане брали Наполеона и говорили, что это онъ одинъ желаетъ продолжать войну, и что имъ чрезвычайно тяжело, и съ нетерпѣніемъ ждуть мира или окончанія войны, всѣ безъ исключенія желаютъ. У насъ сильныя жары и бездождья, удивительно, что за время, штиль и штиль и безъ дождя, котораго намъ теперь крайне нужно; скоро послѣ штурма собрались было тучи, и чуть попрыскалъ дождь, но пыли даже не прибилъ, шкваломъ небольшимъ все пронесло. Да, дорогая моя, великолѣпная картина штурма! По всей батарее, на валу сплошь стоятъ люди, стрѣляютъ изъ ружей, а внизу изъ орудій картечью. Адъ!! точно, если гарнизонъ не прозѣваетъ, то всякій штурмъ должно отбить, если хоть сколько-нибудь достаточно гарнизону. Какая радость и восторгъ послѣ отбитія, хотя въ это время со всѣхъ батарей начали страшно бить ядрами и бомбами, но этого какъ будто бы и не замѣчали; во время штурма потери наши сравнительно очень малы, а до этого цѣлыя сутки день и ночь непрерывно усиленная была пальба ядрами и, въ особенности, бомбами, поэтому мы были увѣрены, что отъ непріятели будутъ штурмовать; потери непріятели, полагаю, до 5.000 человекъ, много генераловъ, полковниковъ, офицеровъ убитыхъ; непріятель только прорвался съ правой стороны Малахова кургана на батарею Жерве, но черезъ

четверть часа прилетѣлъ Хрулевъ и выбилъ его, и тутъ много тѣлъ осталось. При уборкѣ тѣлъ уже совсѣмъ не тотъ тонъ былъ, что послѣ занятія Камчатскаго и двухъ другихъ редутовъ, они сговорчивѣе были. Сегодня почти выстрѣловъ не слышно, но жара сильная. Какъ обойдешь всѣ батареи и придешь въ хату переменить бѣлье, то какъ будто бы изъ ванны самой теплой, такъ легко станеть.

9-го іюня, 8 часовъ утра. Благодареніе Господу Богу, здоровъ, цѣлъ и невредимъ; ночь прошла тихо и теперь ни одного выстрѣла. Я тебѣ, моя дорогая, послалъ два письма черезъ штабъ, одно—4-го, другое—6-го числа, не знаю, получила ли ты ихъ, а теперь пишу по курьерской почтѣ; отъ тебя получилъ письмо 4-го іюня, писанное тобою 1-го іюня. Поклонись Ѳ. Мих. и Е. М., поцѣлуй и благослови Лизу и Соню, будьте всѣ здоровы, сохрани васъ Господь для моего счастья и меня для васъ; совершенно все затихло; батареи, флотъ спокойны; изъ Керчи и Азовскаго моря никакихъ свѣдѣній не имѣемъ. До свиданія, дорогая моя Любинька! Остаюсь благословляющій васъ отецъ

А. Панфиловъ.

9.

Бастіонъ № 3.

10 іюня, 9 часовъ утра, пятница.

Дорогая моя Любинька! Письма твои отъ 3 и 7 іюня получилъ вчера, въ 9 часовъ вечера. Благодарю Господа, что вы всѣ поправились и здоровы. Родная моя, неужели ты думаешь, что у меня не болитъ сердце, и мнѣ тяжелѣе всего не видѣть васъ, но что же дѣлать, и кто будетъ защищать Севастополь, въ особенности теперь. На 3-мъ бастіонѣ остались: я, Деливронъ и мичманъ Яновскій; остальные всѣ вновь поступили, и то и дѣло, за ранами и контузіями, уходятъ въ госпиталь по серьезнымъ болѣзнямъ. Что же, если я еще могу служить и исполнять обязанности, крайне необходимые, и я уйду? Что же тогда я буду думать о себѣ? А присяга, мною принятая, гдѣ я клялся не щадить жизнь до послѣдней крайности! Не соблазвай и не искушай, а подкрѣпи меня своими утѣшеніями къ защитѣ Севастополя и къ исполненію своего долга. Съ какимъ счастьемъ увидимся, ежели Господь поможетъ окончить эту войну и отстоять Севастополь! Твердо уповаю на Бога, молюсь и прошу Его исполненія своей обязанности точно и неупустительно, работаю и хлопочу по исправленію своего бастіона и батарей, а теперь еще улаживаю между собой армейскихъ, у которыхъ столько вздорныхъ претензій и жалобъ одного на другого, которыя надо ра-

*

зобратъ и уладить. Мнѣ дали на отдѣленіе командовать сухопутными войсками г.-м. Лисенко, командира 9-й дивизіи, и теперь по счету у меня четыре полка и два баталіона, которые стоятъ всѣ безотлучно по батареямъ и готовы каждую минуту вскочить на брустверь и отразить нападающихъ. Помогите, Господи! Послѣ отбитія штурма у людей совсѣмъ другой духъ сталъ: бодрѣе, веселѣе переносятъ тяжелую жизнь на бастіонѣ, и всѣ просились взять обратно Камчатскій редутъ. Немного окуражить солдатъ — и они гораздо лучше и бодрѣе дѣлаются. Кто это, родная моя, распустилъ слухъ насчетъ меня? Значить, долго жить. Пожалуйста, будь осторожна и не вѣрь всякому вздору. Есть выдумка отъ бездѣлья или чтобы новость распустить. У васъ, въ Николаевѣ, Власевъ и Гербачевъ—компанія новостей. Въ послѣдніе дни къ намъ на дворъ три бомбы попали, но вреда дому не сдѣлали; сарай и рамы въ его окнахъ всѣ вышибли, а домъ, кромѣ столовой, цѣлъ — можно жить. Крыша кусками набита, но это еще можно починить. Да, родная моя, штурмъ; дѣло великое отбить его. Вчера Горчаковъ пріѣзжалъ на мое отдѣленіе, цѣловалъ меня, благодарилъ всѣхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ и въ особенности къ морскимъ обращался.

5 часовъ пополудни.

Сію минуту пріѣхалъ верхомъ изъ города; обѣдалъ у Нахимова. 2-я дивизія пришла уже къ Горчакову, но утѣшительнаго ничего нѣтъ и неизвѣстно, что предпримутъ. У Горчакова семь пятницъ на часу. Насчетъ Миши нечего и думать объ отправкѣ, покуда не вышлютъ офицеровъ изъ Николаева; кого ни пошлютъ въ Николаевъ, всѣ и остаются. У меня на бастіонѣ два молодыхъ офицера и еще армейскій прапорщикъ и ежедневно убываютъ. На многихъ бастіонахъ уже унтеръ-офицеры батареями командуютъ, а все вашъ прославленный М. держитъ изъ дружбы къ Нахимову—не отправляетъ офицеровъ. Сегодня, въ 7 ч. веч., нарочно посылается курьеръ къ М., чтобы выслать празднующихся офицеровъ изъ Николаева. Рѣшительно офицеровъ морскихъ нѣтъ—всѣ уѣхали: кто раненъ, кто курьеромъ. Пособи и помогите, Господи, отстоять Севастополь! Заѣзжалъ къ намъ въ домъ. Жить еще можно, но все-таки стекла выбиты, а большія, толстыя—держатся и мало побито. Искать чего-нибудь дѣтямъ послать; рѣшительно ничего не нашель. А Нахимовъ посылаетъ конфетъ петербургскихъ, привезенныхъ Коломенцевымъ, но дрянныя и дорогія. Все-таки Нахимовъ усердно напрашивается ихъ послать съ курьеромъ. Поклонись Федору Михайловичу и Елизаветѣ Марковнѣ. Пожелай успѣха въ леченіи и душевнаго спокойствія. Баумгартенъ мѣсяца не пробылъ на 4-мъ

бастіонѣ и такой рапортъ хохлатскій написалъ, что не чувствуетъ себя способнымъ на подобную службу, и уѣхалъ лечиться въ Россію. Да, немного армейскихъ у насъ патріотовъ!

До свиданія, моя дорогая Любинька! Молись Богу о сохраненіи Севастополя. Я всю надежду имѣю на Господа: угодно Ему сохранить—сохранить, а нѣтъ, то да будетъ Его святая воля. Благослови Лизу и Сою. Я думаю, много выросли послѣ всѣхъ пережитыхъ болѣзней. Боже, приведи увидѣть васъ! Какой будетъ счастливый день! Остаюсь благословляющій вашъ отецъ

А. Панфиловъ.

Р. S. Попроси извиненія, что не пишу отдѣльно Федору Михайловичу. Ей-Богу, некогда, да и не идетъ въ голову, что писать. Ты видишь, какое я тебѣ разбросанное письмо написалъ. У насъ страшная жара и совершенный штиль. Сегодня по горизонту собирались тучи, но все разнесло, и нѣтъ надежды на дождь, который намъ такъ нуженъ, какъ манна египетская. Сушь и сушь. Пиши, пожалуйста, сестрѣ. Я сегодня писалъ и опять повторяю о высылкѣ тебѣ банковаго билета. Когда-то я васъ увижу, дѣти, Лиза и Соня? Поцѣлуй и обними крѣпко-крѣпко. Приведи, Господи, спаси и сохрани для васъ.

А. Панфиловъ.

10.

Пятница, 17 іюня, 10 часовъ утра. 3-й бастіонъ.

Дорогая моя Любинька! Письмо твое получилъ отъ 11 іюня и тороплюсь сегодня отвѣтить по простой почтѣ. Насчетъ моей раны не безпокойся: совсѣмъ зажила, только синева еще осталась; но и ничего не чувствую, и не ожидаю никакихъ послѣдствій. Родная моя, какъ можно теперь, въ настоящее время, думать оставить Севастополь, если здоровье и силы позволяютъ. Что дѣлать! Долгъ отечеству сильнѣе долга семейству. Да будетъ Его святая воля. Что угодно Ему, то и будетъ, а безъ важной причины оставить свой важный постъ—грѣхъ и противно присягѣ. Сохрани и помилуй Господь—вотъ моя ежеминутная мысль—и дай силы и крѣпости перенести это страшное время. У насъ слухи носятъ, что англичане очень желаютъ мира и что большая надежда, и что это пишетъ Горчаковъ изъ Вѣны. Это мнѣ Хрулевъ говорилъ, да и въ газетахъ англійскихъ, рѣчи въ парламентѣ бывшихъ министровъ—всѣ говорятъ, чтобы миръ заключить. Дай, Господи. За отбитіе штурма мы уже сегодня по телеграфу царское спасибо получили

13 іюля Горчаковымъ. Поклонись Ѳедору Михайловичу и Елизаветѣ Марковнѣ. Поцѣлуй и благослови дѣтей. Береги себя и дѣтей для моего счастья.

А. Панфиловъ.

Р. S. Отчего вы вздумали выѣзжать изъ Николаева? Развѣ Николаевъ—Керчь? Но если это нужно, то съ Богомъ. Куда наши поѣдутъ, туда и ты. Не нужно на этотъ случай лошадей — переговори съ Ѳедоромъ Михайловичемъ. У насъ перепалка, и ружейная сильная слышится. Вотъ другой день, что дождь перепадаетъ и освѣжаетъ наши батареи, а то страшная пыль была, вѣтромъ разносило и дышать нельзя было на батареяхъ. Я писалъ Ѳедору Михайловичу отвѣтъ на его письмо, а теперь, родная моя, ни времени, ни мысли нѣтъ. Всю ночь не спалъ: ожидалъ опять штурмъ; днемъ — бумаги и обходимъ бастіоны. Одурь находить и памяти нѣтъ.

11.

Воскресенье, 6 часовъ вечера, 19 іюня. 3-й бастіонъ.

Дорогая моя Любинька! Сегодня былъ въ церкви Михайловской и потомъ у Нахимова обѣдалъ, и сейчасъ вернулся на бастіонъ. Благодарю Господа: хранить цѣлымъ и невредимымъ. Твое письмо получилъ въ четвергъ вечеромъ. Въ пятницу отвѣчалъ по простой почтѣ, а сегодня Михаилъ Шмидъ съ моего отдѣленія отправляется курьеромъ. У него отецъ померъ и мать больна. Въ городѣ Асланбеговъ сегодня рассказывалъ, что онъ былъ въ главной квартирѣ и видѣлъ маршрутъ войскамъ, должнымъ скоро прибыть въ Крымъ, и что очень много, 4-я, 5-я дивизіи, гренадерскій корпусъ и до 30-ти тысячъ ополченцевъ, которые должны идти на пополненіе полковъ и, говорятъ, черезъ двѣ недѣли всѣ должны быть въ нашемъ лагерѣ. Дай Богъ выйти изъ этого страшнаго положенія. Сегодня на 3-мъ отдѣленіи—малая пальба; даже бомбъ до сихъ поръ мало бросали — не знаю, чему приписать: воскресенье они всегда больше стрѣляютъ изъ ружей. Мы оправились батареями, прибавивъ орудій. Погода послѣ дождя чудесная. Поклонись Ѳедору Михайловичу и Елизаветѣ Марковнѣ. Поцѣлуй дѣтей и береги себя. Остаюсь благословляющій отецъ вашъ

А. Панфиловъ.

Р. S. Сегодня не удалось зайти домой. Послѣ обѣдни былъ у раненаго Тотлебена въ икру ноги навывлетъ. Рана заживаетъ хо-

рошо, но вставать еще не скоро можетъ. Вчера вечеромъ много бомбъ бросали на Николаевской площади, а сегодня я хотѣлъ идти во Владимірскую церковь, но опоздалъ и поѣхалъ въ городъ, и видѣлъ, какъ бомба попала во Владимірскую церковь. Вотъ, значитъ, Господь хранитъ. Не знаю, что она тамъ задѣла, но, возвратясь на бастионъ, сказали—во Владимірскую упала бомба во время службы; и я издали видѣлъ большую пыль около этой церкви. Господи, Господи, спаси и сохрани! На Тя уповаю. Поцѣлуй и благослови Лизу и Соню. Приведи, Богъ, васъ всѣхъ увидать и поцѣловать.

А. Панфиловъ.

12.

1 часъ ночи, 28 іюня. 3-й бастионъ.

Дорогая моя Любинька! Посылаю тебѣ письмо князя Горчакова. Поздравляю съ такими многими наградами. Поздравь Федора Михайловича съ брильянтовой саблей. Это — прекрасная награда. Въ мирное время ея не заслужить, да и видная. За брильянты на своей саблѣ я потребую деньги, и дарю ихъ вамъ съ Лизой и Соней на брильянты. Вчера вечеромъ дали знать, что сегодня утромъ ѣдетъ курьеръ, а потому, обойдя всѣ отдѣленія, я пришелъ домой и сѣлъ на террасу у хаты, писать. Ночь тихая, но перепалки частыя—ружейныя, пушечныя и бомбы. Мы много палили; не даемъ имъ работать, укрѣпляться, и они отвѣчаютъ. Тихо на дворѣ. Пишу при свѣчкѣ, которую почти не шевелить вѣтеръ, а только пальба и раскаты выстрѣловъ непрерывны. Днемъ было тихо, кромѣ бомбъ, которыхъ много бросали на 3-й бастионъ и теперь исправляютъ. Много рабочихъ. Но, слава Богу, ночью бомбы перелетали, а днемъ всѣ въ брустверъ попадали. Вчера былъ званъ обѣдать къ Горчакову на Сѣверную, но потомъ сказали—въ лагерь, и я не поѣхалъ такъ далеко и въ 4 часа. Жалѣю, потому что Иннокентій тамъ обѣдалъ. Ждемъ постоянно штурма, но, кажется, непріятель знаетъ, что мы совершенно готовы къ отпору. Но каждую ночь у него большое число войскъ въ траншеяхъ. Лазутчикъ или перебѣжчикъ сказалъ, что у него будутъ войска въ сборѣ съ 23 по 28 іюня; что въ эти дни назначено, если найдутъ возможнымъ, штурмовать. Вѣроятно, ты получишь эти письма 29, въ день твоего рожденія. Поздравляю, родная моя, и желаю увидаться поскорѣе. Я хлопоталъ, чтобы съѣздить въ Николаевъ, но это можно сдѣлать не иначе, какъ подать рапортъ больнымъ, но я здоровъ, а только страшно усталъ, измучился. Когда-то Господь приведетъ васъ увидать. На-

грады: Нахимову—аренда въ 2.000 руб., Розену — по чину, Юка-
рину—Анна съ короной, Клемченкову, Керну, Винку — аренда по
800 руб., Никонову—Владиміръ на шею. Бутковичу—корону на Анну
и еще нѣсколько молодымъ, но немного; дальше — разночинцамъ.
Поклонись Федору Михайловичу и Елизаветѣ Марковнѣ. Поздравь
съ прекрасною наградой. Поцѣлуй и благослови Лизу и Соню. Будьте
здоровы. Богъ дастъ, можетъ быть, конецъ будетъ скоро. Тогда уви-
димся и забудемъ всѣ эти страсти. До свиданія!

А. Панфиловъ.

4 часа утра.

Солнце восходитъ. Штурма нѣтъ. Будемъ опять завтра ждать.
Впрочемъ, какъ будто бы они отложили. Вчера былъ послѣдній
день, ими назначенный для штурма и сбора войскъ.

13.

Среда, 29 іюня, 2¹/₂ часа по полудни. 3-й бастионъ.

Поздравляю съ днемъ ангела. Желаю тебѣ здоровья и поскорѣе
увидѣться. О, я для твоего рожденія получилъ приказъ отъ Горча-
кова вступить въ должность военнаго губернатора города Севасто-
поля, командира порта и помощника Сакена. Вчерашній день 3-й
бастионъ выдержалъ 5-ю бомбардировку сильнѣе всѣхъ четырехъ.
Началась въ 4 часа утра до часу по полудни и съ 4-хъ часовъ по
полудни до 8 часовъ вечера. Страшныя потери въ людяхъ, и ба-
стионъ избитъ былъ весь и разрушенъ. Всѣ англійскія батареи, всѣ
орудія были обращены на 3-е отдѣленіе и въ особенности на 3-й
бастионъ. Это было избіеніе рода человѣческаго. Страшно написать.
Ни на одномъ бастионѣ во все бомбардированіе этого не было. Всѣ
англійскія батареи направляли огонь на 3-й бастионъ и батарею
около него. Въ 6 часовъ вечера пріѣхалъ ко мнѣ Нахимовъ, по-
шелъ по всему отдѣленію подъ страшнымъ, сильнымъ огнемъ, бла-
гополучно обошелъ всѣ батареи, а когда онъ сѣлъ на лошадь, и я
прощался съ нимъ, мнѣ попала пуля въ лѣвую сторону груди, но
не пробила даже сюртука—странный случай при прощаніи! Нахи-
мовъ поѣхалъ на Малаховъ курганъ, гдѣ во весь день не было ни
одного выстрѣла. Пріѣхавъ туда, вошелъ на брустверъ; смотрѣлъ
изъ-за мѣшка на непріятельскія работы. Пуля попала въ мѣшокъ,
на который онъ облокотился, и только сказалъ: „мѣтко стрѣляютъ“,
какъ слѣдующая пуля попала въ лѣвую бровь и вышла за лѣвымъ
ухомъ. Онъ упалъ и былъ безъ памяти, даже пульсъ остановился.
Его перевезли на Сѣверную, въ бараки. Сегодня я былъ у него,

но онъ лежитъ безъ памяти и, кажется, нѣтъ надежды на выздоровленіе. Потомъ я поѣхалъ въ городъ, чтобы просить, хоть на два дня въ городѣ пожить. Въ четыре часа опять началась бомбардировка, но не такъ сильно. Мы начали отвѣчать, и въ 6 часовъ утра прекратили, а въ 8 часовъ утра начали рѣдко бросать бомбы. Я одѣлся и собрался ѣхать къ Нахимову, какъ пріѣзжаетъ Сакенъ съ генераль-адъютантомъ Вревскимъ и объявляютъ, что Горчаковъ назначаетъ меня его помощникомъ на мѣсто Нахимова. Я благодарилъ и сказалъ, что есть старше меня, но онъ отвѣчалъ, что это выборъ Горчакова, и я не прочь былъ, потому что хоть на нѣсколько дней отдохнуть отъ ужасной постоянной службы. Просто такъ тяжело стало, что средствъ нѣтъ. Вчерашніе 16 часовъ страшное избиеніе. Видѣть это — выше силъ самага хладнокровнаго; видѣть ежеминутно валяющихся и несущихъ убитыхъ и раненыхъ! Я сегодня, въ 6 часовъ вечера, отправился въ городъ, что Богъ дастъ, къ временной новой должности. Вчера вечеромъ послалъ курьера и, кажется, требуютъ Метлина въ Севастополь, не знаю, зачѣмъ. Но я болѣе на бастіонъ не пойду, если Богъ дастъ уйти благополучно. Сегодня я обѣдалъ въ клубномъ ледникѣ, гдѣ живутъ Ключниковъ и Кутровъ, а въ половинѣ второго поѣхалъ домой, на бастіонъ, сдать должность Никонову. Въ пять часовъ у меня будутъ Хрулевъ, Васильчиковъ для разныхъ соображеній насчетъ 3-го отдѣленія. Я переберусь въ домъ Нахимова, а потомъ — въ Николаевскую батарею. Поклонись Федору Михайловичу и Елизаветѣ Марковнѣ. Пожелай здоровья и всѣхъ благъ отъ Господа. Поцѣлуй и благослови Лизу и Сою, дорогихъ моихъ. Приведи Богъ увидѣть васъ.

Четвергъ, 30 іюня, 7 часовъ утра. Севастополь. Нахимовскій домъ. — Ну, родная моя, не вѣрится, что я въ городѣ, и что я не наблюдаю за цѣшью и ночь спалъ, а на бастіонѣ до отчаянья доводитъ постоянная тревога въ душѣ. И въ самомъ дѣлѣ, нздо быть неусыпнымъ и неутомимымъ. Теперь у меня являются и собираются лица по всему управленію. До свиданія, моя дорогая! Береги себя и дѣтей. Остаюсь благословляющій вашъ отецъ

А. Панфиловъ.

Сію минуту пріѣхалъ съ Сѣверной стороны отъ Нахимова. Былъ консиліумъ и, говорятъ, нѣтъ никакой надежды на жизнь. Лежитъ, только шевелится и иногда открываетъ глаза, но никого не узнаетъ. Жаль! Много теряетъ флотъ.

14.

Севастополь, четвергъ, 30 іюня, 5 ч. веч. Домъ Нахимова.

Дорогая моя Любинька! Сегодня утромъ послалъ тебѣ письмо по курьерской почтѣ, а теперь отправляю курьера съ донесеніемъ о смерти Нахимова. Умеръ сегодня въ 7 минутъ двѣнадцатаго утра, а въ 3 часа перенесли съ Сѣверной въ его домъ, отслужили панихиду, а теперь читаютъ священники Евангеліе.—Я назначенъ Горчаковымъ на мѣсто Нахимова, помощникомъ Сакена, военнымъ губернаторомъ и командиромъ порта, а вчера вечеромъ перебрался въ домъ Нахимова на время, пока готовятъ квартиру въ Николаевской крѣпости, гдѣ всѣ вмѣстѣ живутъ. Слишкомъ дорогою цѣной я избавился отъ 3-го отдѣленія, но доходилъ до тяжелаго состоянія, а прошедшую ночь провелъ спокойно въ домѣ Нахимова. Сегодня принималъ должность, подписывалъ бумаги, узнавалъ относящееся къ должности. По отправленіи къ тебѣ письма, я получилъ твое письмо отъ 25 іюня. О вышедшихъ наградахъ я послалъ тебѣ письмо Горчакова. Дай Богъ успѣха Муравьеву на Кавказѣ; можетъ быть, что поможетъ и приблизитъ турокъ къ миру. Дай Господи! Насчетъ Миши—при случаѣ, пришлю въ Николаевъ. Дай Господи, чтобы сонъ твой поскорѣе сбился, и я бы имѣлъ на рукахъ Лизу и Соню. Приведи, Боже! Заплачу отъ радости. Сегодня я видѣлъ и встрѣчалъ Нахимова, и вносили его въ домъ. Какъ ни старался удержаться—не удержался и сильно прослезился; облегчило сердце. Насчетъ офицеровъ (цынги)—это вздоръ, и въ особенности у Зарина, который сію минуту былъ у меня. — Да, не худо Ѳедору Михайловичу на водахъ полечиться, и не надо упускать лѣтняго времени. Я писалъ Ѳедору Михайловичу по курьерской почтѣ и тебѣ тоже, въ одно время.

Англичане и французы 28 іюня задали 5-ю бомбардировку 3-му отдѣленію. Страшное было избіеніе людей. Потери были гораздо больше всѣхъ прежнихъ бомбардировокъ. Въ 6 часовъ вечера я проходилъ съ Нахимовымъ подъ страшнымъ огнемъ по всему отдѣленію. Когда мы прощались, меня ударила пуля въ лѣвую сторону груди и ничего не сдѣлала, а Нахимовъ поѣхалъ на Малаховъ курганъ, куда ни одного выстрѣла не было, и былъ почти убитъ штуцерною пулей въ лѣвую бровь и надъ лѣвымъ же ухомъ она вышла, чуть захвативъ мозгу. Когда найду время посвободнѣе, напишу длинное письмо Ѳедору Михайловичу, а теперь поклонись ему и Елизаветѣ Марковнѣ. Отчего я отъ нихъ ничего не получаю? Я

самъ рѣшительно не имѣю времени. До свиданія! Поцѣлуй Лизу и Соню. Будьте здоровы. Береги себя и дѣтей. Приведи, Боже, поскорѣе увидаться съ вами. Остаюсь благословляющій отецъ вашъ

А. Панфиловъ.

15.

Воскресенье, 28 августа, 7 час. веч. Сѣверное укрѣпленіе.

Родная моя Любинька! Совершилось! Страшный ударъ. Севастополь сожженъ и взорванъ. Сегодня, въ 6 часовъ утра, всѣ вышли и я, послѣдній изъ генераловъ. Уѣхалъ съ Павловской, гдѣ я распоряжался, а потомъ заѣхалъ на Графскую, поклонился Севастополю, гдѣ уже только нѣсколько отсталыхъ—оставалось человекъ десять. Я всѣхъ забралъ и отправилъ на Михайловскую батарею. Ѳедоръ Михайловичъ уже былъ уѣхавши, въ 7¹/₂ часовъ утра, на Бельбекъ. А вотъ теперь онъ возвратился съ Бельбека.

Страшный ударъ отдача Севастополя! При нападеніи на Севастополь на 3-мъ бастіонѣ отбили отлично, потомъ на 5-мъ бастіонѣ, а Малаховъ курганъ не устоялъ, потому что у Хрулева у здоровой руки оторвало два большіе пальца, и онъ не могъ самъ распоряжаться. Нашихъ выбили изъ Малахова кургана, но не было начальника толковаго, и потери наши значительны, а потому Горчаковъ рѣшилъ оставить Севастополь!! До свиданія, родная моя! Говорятъ, что мы ѣдемъ въ Николаевъ. Благослови Лизу и Соню. Благословляющій вашъ отецъ

А. Панфиловъ.

Сообщила Е. А. Трутъ.

